

УДК 82.091:821.161.1+821.411.21-1

ДРЕВНЕАРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ В ВОСПРИЯТИИ О.И. СЕНКОВСКОГО

Б.Р. Рахманов

Изучаются взгляды О.И. Сенковского на особенности перевода древнеарабской литературы, а также тематика и проблематика поэзии бедуинов-кочевников.

Ключевые слова: западно-восточный культурный синтез; ориентализм; поэзия кочевников-бедуинов; древнеарабская литература.

ANCIENT ARABIC LITERATURE IN THE PERCEPTION OF O.I. SENKOVSKY

B.R. Rahmanov

It is dealt with the views of O.I. Senkovsky in the translation features of the ancient Arabic literature as well as subject matters of Bedouin wanderers' poetry.

Key words: west-eastern culture synthesis; Orientalism; Bedouin wanderers' poetry; ancient Arabian literature.

Если звездами первой величины арабистики и востоковедения Европы являлись Сильвестр де Саси (Silvestre de Sacy) и Йозеф фон Гаммер-Пургшталя (Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall), то в российской науке и литературе – это О.И. Сенковский (Барон Брамбеус). “Увлечение многих интеллектуалов, в их числе и А.С. Пушкина и Ю.М. Лермонтова, мусульманским миром стало возможным благодаря О.И. Сенковскому (литературный псевдоним – Барон Брамбеус), знаменитому писателю и востоковеду, побывавшему на арабском Востоке и свободно владевшему разговорными арабскими диалектами” [1].

Его имя связано с таким прозаическим жанром в русской литературе, как “восточная повесть”. Сенковский – автор восточных повестей “Бедуин” (1822), “Витязь буланого коня” (1823), “Деревянная красавица” (1824), “Истинное великодушие” (1824), “Урок неблагодарным” (1824), “Бедуинка” (1827), “Смерть Шанфария” (1827), “Вор” (1829), “Антар” (1832) и др. Некоторые его произведения являются оригинальными повестями, другие – переложениями с восточных языков – арабского, монгольского, персидского, татарского.

О.И. Сенковский – преподаватель восточных языков и словесности в должности ординарного профессора при Петербургском университете. Кроме того, он опубликовал много работ, связанных с проблемами ориенталистики: критические заме-

чания по исследованиям востоковедов, путевые заметки о путешествиях по Сирии и Египту, лекции о поэзии арабов.

Знаток арабского языка и его диалектов О.И. Сенковский подверг тщательному анализу научные труды и переводы европейских и русских ориенталистов с арабского языка. В статье “Поэзия пустыни, или Поэзия Аравитянь до Магомета” (1839) О.И. Сенковский рассматривает современные ему переводы с арабского языка и негативно оценивает их, потому что они истребляют “... всю красоту, всю силу, весь характер оригиналов” [2, с. 166] или “составляются без всякаго чувства поэзии даже без точнаго уразумѣнія силы и живописности выражений” [2, с. 166].

По его мнению, многие европейские ориенталисты стараются (эти слова относятся и к С. Де Саси), но не могут добиться положительного результата: “Хлопочуть о словахъ, трудолюбиво сличаютъ рукописи, подбираютъ и сравниваютъ различныя чтенія, мучительно добиваются до логическая смысла: все это очень похвально, но бесполезно для поэзии” [2, с. 166]. И при этом им указывается одна из причин неудачных переводов: “Да и можно ли передавать на другомъ языкѣ древнюю арабскую поэзію, поэзію пустыни, никогда не видавъ ни пустыни арабской, ни образа жизни ея жителей? Какое понятие имѣеть Европеець о кочевомъ народѣ и его бытъ?” [2, с. 166].

Е.А. Зандер в статье “О.И. Сенковский – писатель и критик”, исследуя проблему особенностей перевода с восточных языков, заметила: “Прежде всего О.И. Сенковский в своей статье “Восточная драма” стремится донести до широкого читателя огромную разность между миром восточным и западным, их отдельность и разнородность, поэтому восточная тема требует от писателя, обращающегося к ней, самой серьезной подготовительной работы, чтобы получить ясное представление о Востоке, его нравах и обычаях, законодательстве, вере, истории” [3, с. 11].

В этой связи следует отметить, что Сенковский определил три пути познания чужого мира: первый – долгое путешествие по Востоку: “Путешествие доставляет больше или меньше точный обзор наружных форм его – что уже очень важно” [4, с. 110]; второй – знакомиться с интересующей вас литературой на языке оригинала: “Тогда проникаете вы во внутренность его понятий, логики, духа, страстей, характера и образа действия, хотя и не можете ясно представить себе его наружности”; третий путь – путешествовать и читать: “Тут вы видите и лицевую и изнанковую его сторону, Восток вещественный и Восток нравственный” [4, с. 110].

Одна из традиционных ошибок европейских исследователей, по его мнению, – смотреть на восточного человека как на дикаря и, в некоторой степени, свысока: “Между-тѣмъ большая часть кочевых племен грамотна, имѣетъ книги, литературу и не чужда даже искусствъ” [2, с. 167]. Конечно, восточные народы отличаются друг от друга: “Умственные способности таких народов необходимо должны быть различны, как онѣ различны и у народов осѣдлыхъ” [2, с. 167]. При близком знакомстве с арабами, Сенковский заметил, что бедуины имеют врожденную склонность к поэзии: “Бедуинъ – стихотворецъ отъ природы и по превосходству импровизаторъ” [2, с. 168]. И рассказы, связанные в арабской литературе с необыкновенными дарованиями, говорящими превосходными стихами, импровизаторами от рождения, не являются восточным преувеличением, во что европейцу трудно поверить: “Если вспомнимъ всю трудность правилъ арабскаго стихосложенія, до-сихъ-поръ совершенно эллиническаго, основаннаго на точной просодіи слоговъ, и притомъ сопряженнаго съ условными окончаніями словъ, чуждыми языку разговорному, то этотъ даръ импровизаціи въ неученыхъ юношахъ покажется почти чудомъ” [2, с. 168–169].

По замечанию О.И. Сенковского, вся арабская поэзия Средних веков связана с поэзией кочевых бедуинов: “Какъ во время французскаго классицизма греческіе боги, богини и мифы были

главными пружинами европейской поэзіи источниками всѣхъ сравненій и метафоръ, такъ точно у городскихъ арабскихъ поэтовъ во всѣ времена обстоятельства кочевой жизни и пустыня составляли единственный колодець, въ которомъ они почерпали свои фигуры, свои аллегоріи, всѣ свои поэтическія выраженія” [2, с. 170].

Что же составляет основу поэзии бедуина? Сенковский отвечает: “Безпредѣльная пустыня, съ своимъ раскаленнымъ, движущимся пескомъ... рѣдкіе кустарники еще болѣе рѣдкіе зеленые оазисы съ тѣнью... солнце, пылающее надъ этою пустынею; воздухъ кипящій, наполненный огненными иглами, которыя “пляшутъ” передъ ослѣпленнымъ взоромъ; волшебныя преображенія миража...” [2, с. 172]. Много внимания в поэзии бедуинов уделено облакам, что не случайно. Облако без влаги и дождя или облако с обильными осадками – явление безразличное для северного человека. Но иная ситуация в безбрежной пустыне для бедуина: облако – природное явление, “...столь важныя, столь занимательныя для вѣчно жаждущаго сына пустыни, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ каждый клочокъ паровъ на небѣ и связываетъ съ нимъ свои надежды и свое отчаяніе” [2, с. 172].

И среди этого ужасного мира – бедуин со своими житейскими проблемами, движимый тщеславіем и мыслью выживания: “Человѣкъ, большею частью голодный, съ своей любовью, съ своей мстью, гордостью, нищетою и славою, со всѣми страстями и доблестями своими; человѣкъ, который ѣдетъ одинъ въ пустыню, чтобы сражаться со всѣми странствующими Фарисами¹, единственно для прославленія своего мужества; его страданія и подвиги, его несчастія и пѣсни...” [2, с. 172]. Или, как сказано в статье Е.А. Зандер о О.И. Сенковском – писателе и критике: “И среди всей этой необычной для европейца картины человек с его надеждами и отчаяніем, любовью и страстями, доблестями и моралью, со своим представлением о счастье и смысле жизни, способный один выйти в пустыню” [3, с. 14].

Аравиец воспеваеет верного коня, который делит с ним невзгоды и спасает его, или боготворит другого своего друга и свое богатство – верблюда, которым он, однако, может жертвовать, чтобы угостить мясом странника или спасти от голодной

¹ “Мы уже сказали однажды, что слова *chevalier*, *cavaliere*, суть буквальный переводъ слова фарисъ, которое въ арабскомъ происходитъ отъ фарасъ, конь, какъ *chevalier*, *cavaliere*, происходятъ отъ *cheval*, *cavallo*. Нѣмецкое *Ritter* (рыцарь) выражаетъ ту же идею, какъ происшедшее отъ *Feiter*, *всадникъ*”. Примечание О.И. Сенковского [2, с. 181].

смерти соплеменников. Финал жизненного пути бедуина – одинокая могила в пустыне или кости, белеющее на жгучем песке: “Таковы вообще главные предметы этой удивительной поэзии, которой нельзя уподобить никакой другой на свѣтѣ” [2, с. 173].

Пустыня и связанные с ней образ жизни и особенности менталитета дают певцу пустыни краски и теплоту описываемого мира: “Здѣсь-то ищетъ онъ своихъ вдохновеній; здѣсь открываетъ незнаемыя красоты, и, наслаждаясь ими, находя счастье въ своихъ бѣдствіяхъ, наслаждение въ своихъ лишенияхъ, блаженство въ своей страдальческой свободѣ...” [2, с. 173]. Такое положение человека, как и фатальное восприятие условий жизни, с точки зрения Сенковского, и заключают в себе поэтические стороны, которые и порождают “...пѣсни, изумительныя для насъ своей силою, своей неожиданно оригинально-стью, новостью и красотою, но въ то же время пѣсни невыразимыя ни на какомъ другомъ языкѣ, образовавшемся внѣ пустыни, внѣ этой особенной природы и этой необычайной жизни” [2, с. 173].

Сенковский указал ряд особенностей лексики арабского языка, которые необходимо знать для правильного восприятия, а, следовательно, и для перевода. Так, например, связанные с климатическими условиями и образом жизни синонимические ряды: “...въ этомъ языкѣ все, что значить “щедрость” значить въ то же время “добродѣтель” ...все, что облака – благодѣяніе; все, что низменно, сыро, влажно – довольство и счастье; все, что холодно – превосходно, и такъ далѣе” [2, с. 174]. Только в жарком климате логично объединить в одно понятие – “холодное и превосходное, сырость и счастье”.

Другой особенностью перевода является употребление при описании предметов прилагательных вместо существительных. “Поэтъ долженъ подбирать всегда такіе эпитеты, которые бы ясно и живо изображали предметъ, между-гѣмъ какъ онъ его не называетъ” [2, с. 174]. Это придает поэтической речи быстроту, вследствие чего воображение читателя с большим трудом успевает воспринять картины, воссоздаваемые поэтом.

О.И. Сенковский приводит пример из своего перевода Лебида о дожде, облаках и ветре: “Лился крупный, обильный изъ всякаго утренняя и ночнаго несомого “южнымъ и отвѣчавшаго другому трескомъ” [2, с. 175]. Но если перевод сделать дословный, с пояснениями, то сила стиха исчезнет. Это повредит арабской литературе, богатой поэтическими сравнениями: “...при непостижимой быстротѣ поэтической рѣчи, стремящейся съ силою горнаго потока, пропускающей все, что можетъ быть дополнено воображеніемъ, набрасывающей однѣ только краски, широко, рѣзко, какъ въ театральной декорационной живописи, гдѣ худож-

никъ старается единственно произвести эффектъ въ цѣломъ, посредствомъ искуснаго освѣщенія, читатель невольно увлекается самою этой быстротою рѣчи и приходитъ къ предмету сравненія безъ усталости, какъ бы перенесенный волшебствомъ черезъ огромныя пространства...” [2, с. 175]. Внещите изменения в эти прекрасныя картины согласно правиламъ русской фразеологии, продолжаетъ свою мысль Сенковский, то объемъ текста удвоится и в результате - “сравненіе покажется утомительнымъ – вся прелесть, вся оригинальность будутъ потеряны” [2, с. 175].

В связи с этимъ более подробно О.И. Сенковский остановился на проблематикѣ древнеарабской литературы и рассмотрѣлъ рядъ тем, воспетыхъ поэтами-кочевниками. Онъ отмечает, что отвага и храбрость, неустрашимость и воинская доблесть традиционно ценились на Востоке: “Большая часть поэмъ этого времени отличается рыцарскимъ духомъ, и содержаніемъ служить имъ сраженія, стычки, поединки. Неустрашимость при видѣ врага, и ловкость въ битвѣ, воспѣваются въ нихъ съ сильнѣйшимъ восторгомъ” [2, с. 182].

Эта же особенность арабской литературы отмечена теоретикомъ романтизма и писателемъ А.А. Бестужевым-Марлинским. Онъ отмечает, что народу, который в борьбѣ за существованіе рассчитываетъ на свои способности, характерна подобная литература: “...у кавказскаго горца, у араба, например, у коихъ все зависитъ отъ самого себя... поэзія есть “песня самохвальная” [5, с. 140].

Воин-поэтъ, по разуменію Сенковского, нечто сродни скальду, неотъемлемый атрибутъ арабской поэзіи. Статусъ поэта и его обязанности связаны с вопросами, которые онъ долженъ решать: “Древняя устная лиро-эпическая поэзія первоначально, вероятно, была связана с обрядово-магической практикой бедуинскихъ племен, в которыхъ поэтъ (слово “шаир” – “поэтъ” первоначально означало “ведунъ”) занималъ почетное место: ему приписывались способности произносить магическія заклинанія и находить в пустыне источники воды, онъ былъ “историографомъ” племени, защитникомъ его чести в межплеменныхъ спорахъ, блюстителемъ законовъ и устоевъ” [6, с. 698].

Во времена независимости и междоусобныхъ войнъ, пишетъ Сенковский, “...фарисы (рыцари) вызывали другъ друга на бой съ тростниковымъ копьемъ въ рукѣ и съ рифмическою бранью на устахъ, и старались быть побѣдителемъ противника и оружіемъ и стихотворнымъ искусствомъ, потому-что въ этомъ и состояла слава настоящаго фариса...” [2, с. 171]. Поэту-наезднику надобно воспевать и доблесть своего колена: “Всякому колѣну необходимы были свои поэты, не для того

только, чтобы его военные подвиги были воспрѣты въ улусѣ, но чтобы и отдаленныя колѣна уважали и боялись его” [2, с. 182]. В случае вражды или спора племен на поэтов возлагалась задача защиты интересов и прав племени перед посредниками: “Продолжительныя вражды часто утишались через посредничество сильнаго сосѣда, и на поэтов возлагалась защита, передъ избранными судьями, правъ того и другаго племени” [2, с. 183].

Поэты-победители поэтических состязаний удостоивались права поместить свое произведение в храме – Каабе. И Сенковский в своей статье называет ряд имен (Лебид, Антар) из тех семи “поэтовъ, которыхъ творенія, возбуждавшія всеобщій восторгъ, повѣшены были на золотыхъ цѣпяхъ въ меккскомъ храмѣ Каабѣ, пантеонѣ древнихъ Аравитянъ, и оттого получили названіе моаллака¹ (привѣщенныхъ)” [2, с. 180]. Сенковский поясняет названіе произведения “моаллака” (произведения, привешенные в храме). В то время существовало и другое поясненіе: “нанизанные”, подобно жемчужинам в ожерелье, подтвержденіем чему служит сужденіе поэта-переводчика, востоковеда-арабиста Е.В. Дьяконова: “Арабская, которая начиналась с этих менестрелей пустыни, воспевших романтику бедуинской жизни, нанизавших на свои ожерелья – муаллака бусинки-шедевры непревзойденных бейтов Имруулькайса, Зухейра, Тарафы, Антара, Ан-Набиха аз-Зубьяни и других...” [7].

Помимо воинской доблести для жителя пустыни, изнемогающего в борьбе за существованіе с жизненными невзгодами, объектом воспеванія является гостеприимство и великодушіе к путнику: “Покровительство и благодѣянія, оказываемыя чужестранцу или союзнику, не менѣе были почетны какъ и храброе нападеніе на врага; но лишь только побѣда погасила пламя войны, первымъ долгомъ побѣдителя было зажечь “огонь гостеприимства”, который бы указалъ путнику, во время ночи, готовый для него столъ и кровь” [2, с. 186]. Образцом щедрости для бедуина стало об-

ращеніе поэта Хатема из племени Таи: “Призови или сосѣда, или путешественника: не хочу, чтобы послѣ моей смерти говорили обо мнѣ худо! Какъ человекъ можетъ досыта наѣдаться, когда же-лудокъ его сосѣда пусть?” [2, с. 188]. Скупость и стяжательство не украшает бедуина: “Клянусь Тѣмъ, который одинъ знаетъ сокровенное и оживляетъ истлѣвшія кости, что мнѣ пріятнѣе угощать моихъ гостей и самому голодать, нежели слыть скрягою!” [2, с. 188]. Во многих Хамасах, древних бедуинских стихотворных сборниках, прославляется щедрость и прослеживаются синонимические ряды – щедрость и честь, скупость и низость. “Вольный (бедуинъ) страшится только того, чтобы его гостеприимство не было осуждаемо, а путь, которымъ идутъ такіе люди, есть путь добродѣтели” [2, с. 189].

Любовная тематика² – составляющая часть древней поэзии пустынь. Томленіе по любимой и ожиданіе встречи, волненіе и страсть передают строки поэтов: “Никакое мученіе не равняется мученію любящаго, хотя бы онъ и вкусилъ пріятнѣйшую награду любви. Его томить то желанія, то боязнь разлуки, и онъ всякій часъ плачетъ. Удастся ли его любезная, онъ вздыхаетъ въ слѣдъ ея; подлѣ него ли она – тутъ овладѣваетъ имъ страхъ, чтобы не ушла. Краснѣютъ глаза его, когда она удаляется отъ него; говорятъ, когда она возвращается” [2, с. 190]. Или другой пример, приведенный Сенковским: “О красная дѣвица! ты такъ дѣлала меня счастливымъ, что сердце мое плавало въ нѣгѣ, подобно дикому голубю, купающемуся въ ночной росѣ” [2, с. 190].

Дидактическая направленность, нравственные изреченія также неотъемлемая часть арабской поэзии. Сенковский ссылается на Суюти, который отметил, что “бедуины не почитаютъ хорошимъ поэтомъ того, кто въ свое стихотвореніе, какова бы оно ни было содержанія, не впадаетъ мудрыхъ изрѣченій” [2, с. 193]. Строки с нравственными правилами из моаллаки Зогейра приведены в пример: “Странствующей долженъ смотрѣть на врага какъ на друга, а не уважающій другихъ не въ правѣ требовать уваженія для себя”, “Для безумнаго юноши есть еще надежда, что придетъ пора, когда онъ остепенится; но ежели старикъ не разсудителенъ, то уже нельзя ждать, чтобы одумался” [2, с. 193].

Таким образом, следует отметить, что О.И. Сенковский в своей работе “Поэзія пусты-

¹ Средневековые комментаторы и филологи выдѣлили из огромнаго числа доисламских поэтических произведеній (в трудах филологов упоминается не менее ста имен древних поэтов) семь поэм-касыд, которые они считали непревзойденными шедеврами. Эти поэмы получили наименованіе “муаллак” (буквально: “нанизанные”, подобно жемчужинам в ожерелье). Легенда повествует, будто авторов их чествовали во время ежегодных ярмарок в Указе (оазис около Таифа), а тексты муаллак якобы вывешивались перед входом в языческий храм. Авторами муаллак были семь прославленных бедуинских поэтов – Имруулькайс, Тарафа, Зухайр, Антара, Лабид, аль-Харис ибн Хиллиза и Амр ибн Кульсум [6, с. 700].

² Примером послужит общеизвестная популярная пара: Кайс ибн аль-Мулаввах по прозвищу Манджун (“Обезумевшій от любви”) и Лейла. “Исторія трагической любви Лейлы и Манджуна не менее популярна на Востоке, чем исторія Тристана и Изольды или Ромео и Джульетты в Европе” [6, с. 702].

ни, или Поэзія Аравитянь до Магомета” показал значимость поэзии бедуинов для развития арабской литературы и проблемы перевода этой поэзии на европейские языки. По мнению Сенковского, с зарождением ислама начинается падение бедуинской поэзии. С одной стороны, всякая религия враждебна “поэтическимъ порывамъ и свободѣ воображенія”, с другой стороны – ушли в небытие времена независимости, а следовательно, у арабов другое направление мыслей и чувств, занятий и отношений.

Литература

1. *Алексеев П.В.* Ислам в русской литературе: рождение гипертекста / П.В. Алексеев. URL: <http://ec-dejavu.ru/i/Islam.html>
2. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): в 9 т. Т. 7. Санктпетербургъ, 1859.
3. *Зандер Е.А.* О.И. Сенковский – писатель и критик / Е.А. Зандер // Проблемы писательской критики: сборник научных трудов. Душанбе, 1987.
4. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): в 9 т. Т. 8. Санктпетербургъ, 1859.
5. *Бестужев-Марлинский А.А.* Литературно-критические статьи / А.А. Бестужев-Марлинский // Декабристы – эстетика и критика. М.: Искусство, 1991.
6. Арабская поэзия средних веков. Библиотека всемирной литературы. Т. 20. М., 1975. С. 767.
7. *Дьяконов Е.В.* Очерки истории арабской литературы. Часть 1 / Е.В. Дьяконов. URL: <http://www.proza.ru/2012/12/14/822>